

УДК 94(47).084.3+908(470.40/.43)[1918]

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В ПОВОЛЖЬЕ В 1918 ГОДУ

М. А. Васильченко

Саратовский государственный университет
E-mail: Maks-vasilchenko@mail.ru

В статье рассматриваются причины появления частей Отдельного Армейского Чехословацкого корпуса на территории Среднего Поволжья, их влияние на процесс консолидации антибольшевистских сил в регионе и ход боевых действий летом 1918 года. Автор статьи выделяет ряд особенностей, отличающих Поволжскую группу Чехословацкого корпуса от аналогичных воинских формирований, принимавших участие в Гражданской войне.

Ключевые слова: Восточный фронт, Поволжская группа Чехословацкого корпуса, Комуч, С. Чечек, И. Сталин.

Czechoslovak Corps in the Volga Region in 1918

M. A. Vasilchenko

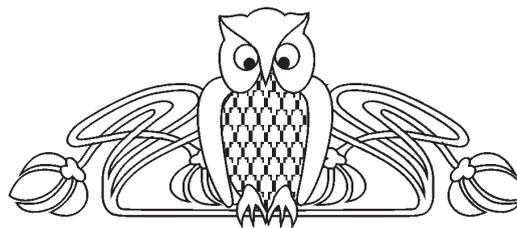
The article deals with the causes of separate parts of the Czechoslovak Army corps in the Middle Volga region, the impact on the consolidation of the anti-Bolshevik forces in the region and the course of the fighting in the summer of 1918. The author of this article identifies a number of features that differentiate Povolzhskoe groups of Czechoslovak Corps from similar military units that took part in the Civil War.

Key words: Eastern front, a group of Volga Czechoslovak corps, Komuch, S. Chechek, I. Stalin

В мае 2013 г. исполнится 95 лет с того момента, как Среднее Поволжье стало ареной ожесточённых военных действий в рамках Гражданской войны в России. Определенную роль в эскалации конфликта между отрядами Красной гвардии и антибольшевистскими силами в Поволжье сыграли части Отдельного Армейского Чехословацкого корпуса, чей мятеж в мае-июне 1918 г. привел к консолидации антибольшевистских сил на территории Поволжья. Несмотря на обилие работ о Гражданской войне в Поволжье и значительного числа обзорных статей по истории Чехословацкого корпуса, в советской и российской историографии вопрос о роли Поволжской (Пензенской) группы Чехословацкого корпуса не нашел системного научного отражения¹.

Настоящая статья рассматривает причины появления Чехословацкого корпуса в Поволжье, особенности деятельности Поволжской группы, по сравнению с аналогичными воинскими группами Чехословацкого корпуса в период вооруженного выступления, выявляет степень влияния деятельности чехов на весь ход Гражданской войны в Поволжье в целом.

Заключение Брестского мирного договора в марте 1918 г. изменило фактическое положение частей Отдельного Армейского Чехословацкого корпуса, национального воинского формирования,

созданного из чехов колонистов и военнопленных чехов, словаков и югославов, перешедших на сторону России в ходе боевых действий на австрийском фронте². По соглашению между Отделением Чехословацкого национального совета в России и большевиками части корпуса должны были продолжить боевые действия на стороне Антанты. Еще в декабре 1917 г. лидер Чехословацкого национального совета Т. Г. Масарик в своей директиве дал ясно понять, что в случае выхода России из войны корпус будет вывезен во Францию. 15 января 1918 г. филиал Национального Совета в России провозгласил чехословацкие вооруженные силы в ней «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции»³.

Это решение коренным образом меняло правовой статус корпуса. На территории России появилось иностранное военное формирование, еще юридически несуществующего государства, входящего в состав французской армии. И это в то время, когда в России собственной армии, по сути, уже не было. Первоначально большевики не придали данному факту должного внимания, не оценили его потенциальной опасности и не смогли нужным образом на него отреагировать. Изменение правового статуса влекло за собой возможность использования чехословаков в качестве иностранного воинского контингента в интересах Антанты. Однако вопрос о реальном использовании чехословаков в интересах держав, осуществлявших военную интервенцию против России, возник только после начала вооруженного мятежа. Посланник США в Китае В. Рейнш писал 13 июня 1918 г. государственному секретарю Д. Лансингу о мятежных чехословаках: «...при небольшой моральной и материальной поддержке они смогут контролировать всю Сибирь в ущерб Германии. Они [чехословаки] с симпатией относятся к русскому населению, страстно хотят быть полезными союзному делу... их выезд окажется чрезвычайно выгодным для Германии и еще более обескуражит Россию. Если бы их не было в Сибири, стоило бы доставить их туда издалека...» В свою очередь, Государственный секретарь США информировал президента В. Вильсона 23 июня 1918 г. о возможности «сделать этот отряд умелых и лояльных войск ядром для военной оккупации Сибирской железной дороги...»⁴ Использование американцами чехословаков было достаточно

легкой задачей в условиях, когда значительная часть легионеров имела смутное представление об истинных целях борьбы с большевиками.

Для урегулирования процесса перевозки солдат был составлен договор. 26 марта 1918 г. в Пензе между представителем Совета народных комиссаров И. В. Сталиным и представителями Чехословацкого корпуса было подписано соглашение, по которому гарантировалась беспрепятственная отправка чешских подразделений от Пензы к Владивостоку. Статус корпуса определялся следующим образом: «... Чехословаки продвигаются не как боевые единицы, а как группа свободных граждан, берущих с собой известное количество оружия для своей самозащиты от покушений со стороны контрреволюционеров... Совет народных комиссаров готов оказать им всякое содействие на территории России при условии их честной и искренней лояльности...»⁵ На следующий день, 27 марта 1918 г., в приказе по корпусу № 35 определялся порядок использования этого «известного количества оружия»: «В каждом эшелоне оставить для собственной охраны вооруженную роту численностью в 168 человек, включая унтер-офицеров, и один пулемет, на каждую винтовку – 300, на пулемет – 1200 зарядов. Все остальные винтовки и пулеметы, все орудия должны быть сданы русскому правительству в руки особой комиссии в Пензе, состоящей из трех представителей чехословацкого войска и трех представителей Советской власти...»⁶

Следует отметить, что решение о включении в договор статей о разоружении СНК принял под жестким давлением со стороны Германии, которой было крайне не выгодно появление на Западном фронте боеспособного и хорошо вооруженного корпуса.

Разрешив эвакуацию чехословаков по Транссибирской магистрали, Советское правительство, вероятно, рассчитывало, что чехословацкий корпус затеряется на просторах Сибири и не будет представлять серьезной опасности, в отличие от эвакуации через Архангельск, которая также рассматривалась как возможный вариант транспортировки солдат.

31 марта 1918 г. члены Национального совета опубликовали воззвание Чехословацкого национального совета «Движение чехословацких войск и договор с Совнаркомом». В этом воззвании говорилось, что по договору с СНК Советской России чехословаки должны были сдать оружие на территории Украины, но «... произошли кровавые стычки под Житомиром, на Днестре, под Киевом и, в особенности, под Бахмачем»⁷, ставшие причиной того, что чехословаки пересекли границы Советской России и стали сдавать оружие только после прохождения Курска. На линии по пути следования от Курска до Пензы были установлены пункты сдачи вооружения, на которых чехословаки должны были передать все лишние предметы вооружения и экипировки представителям

советской власти. Центральным таким пунктом стал город Пенза. Для проверки сдачи оружия образовывалась комиссия, в состав которой вошли представители местного совета и представители ЧСНС, находившиеся в это время в Пензе⁸.

К концу мая 1918 г. основная часть эшелонов Чехословацкого корпуса проследовала через территорию Поволжского региона. К моменту начала силовой операции Советов против частей корпуса, направленной на ликвидацию корпуса как боевой единицы на территории Поволжья находился арьергард корпуса. Он состоял из 1-го, имени Яна Гуса, полка (2800 штыков, без штаба), 4-го Прокопа Великого полка (3500 штыков), 1-го запасного полка (1300 штыков), 1-й инженерной роты (150 человек) и хлебопекарни. Общая численность группы на момент ее выступления против советской власти не превышала 8 тыс. человек⁹. Она находилась в отрыве от основных частей корпуса, вследствие этого первоочередная задача для руководства группой, которую возглавил младший офицер-самовыдвиженец поручик Станислав Чечек, состояла в соединении с основными силами Чехословацкого корпуса в условиях, когда советское руководство выступило с требованиями по разоружению Чехословацкого корпуса.

Проведя ряд успешных операций под Липягами, Безенчуком, Самарой, Уфой, чехи очистили значительную территорию Поволжья от отрядов Красной гвардии. 6 июля 1918 г. части Пензенской и Челябинской групп Чехословацкого корпуса соединились. «Цель группы [С. Чечека] – по возможности быстрое продвижение на восток для соединения с частями чехословацкого корпуса в Сибири»¹⁰ – была реализована. Именно этой цели были подчинены задачи свержения советской власти в Сызрани, Самаре, Уфе, в отличие от Челябинской и Мариинской групп корпуса, провозгласивших открытую борьбу с большевиками. Взятие чехословаками Самары привело к активизации деятельности подпольной офицерской организации под руководством полковника Галкина, ставшей ядром будущей Народной армии Комитета членов Учредительного собрания.

В ряде мемуаров представителей «демократической контрреволюции» отмечается, что первые попытки наладить связь между подпольными антибольшевистскими организациями в Поволжье и чехами еще относятся к маю 1918 г.¹¹ Лидеры будущей демократической контрреволюции «имели полную возможность следить детально за передвижением чешских эшелонов к Самаре, выбрать момент, когда интересы командования [чехов] и интересы группы, подготовившей восстание, сольются...»¹²

Станислав Чечек отмечал, что «в это время я [С. Чечек] имел устойчивую связь с Самарой. Из Самары пришел ко мне делегат..., принес очень ценные сведения. Он сообщил мне, что прислан... от организации, которая поставила своей целью

содействовать нам и бороться с большевиками»¹³. Еще раньше, 16 мая 1918 г., в Саратове вспыхнул мятеж красноармейцев, впоследствии эти события в воспоминаниях лидеров Комуча были отражены как попытка поднять восстание, приуроченное к появлению легионеров¹⁴.

Это заявление позволило позже в советской историографии утвердиться точке зрения о чехословацко-эсеровском мятеже как в узком смысле на территории Поволжья, так и заранее разработанном плане Антанты по проведению широкой иностранной интервенции против Советской России. Однако уже современники событий отмечали, что представители Комуча воспользовались ситуацией, своевременно вступив в контакт с представителями чешского командования и занялись построением собственных институтов власти на освобожденной чешскими штыками территории¹⁵.

Все вышеизложенное с очевидностью доказывает, что в течение первых полутора месяцев части корпуса, вопреки версии официальной советской историографии, не пытались принимать деятельного участия в захвате Поволжского региона, а, напротив, пытались всеми силами из него выбраться. Однако формирование вооруженных сил Народной армии Комуча затормозило процесс эвакуации. Дальнейшая эвакуация стала невозможна после приказа французского командования, ознаменовавшего, по нашему мнению, начало участия Чехословацкого корпуса в иностранной интервенции в России¹⁶. «В начале июля чехи передали радостное для русских известие: чехословацкие полки возвращаются с востока для образования вместе с частями Народной армии общего фронта против большевиков, считая, что за большевиками стоят немцы»¹⁷.

Возвращение Чехословацкого корпуса на фронт привело к необходимости создания устойчивых связей с антибольшевистскими силами, в первую очередь с представителями партии социалистов-революционеров¹⁸. Сближению чехов и эсеров способствовали следующие факторы: большинство чехов и словаков было настроено в демократическом духе, но не столь радикально, чтобы встать на сторону большевиков. Вместе с тем, они не видели особого смысла поддерживать меньшевиков, которые были готовы вести борьбу с большевистской властью, грубо поправшей демократические принципы, только политическими средствами. Что касается монархистов, то отношение к ним со стороны командования Чехословацкого корпуса лучше всего передал английский разведчик Б. Локкарт: «Чехословаки не любили царского режима, который отказывался признавать их как самостоятельную национальность. Они были демократы по инстинкту, сочувствовали русским либералам и социалистам-революционерам. Они не могли дружно работать с царскими офицерами, составлявшими основные кадры в армиях антибольшевистских генералов».

Как отмечает Б. Нидобайло, установлению контактов между эсерами и чехословаками способствовал и чисто географический фактор. И выступление корпуса, и деятельность эсеровского подполья, а затем и открыто проявившие себя силы партии социалистов-революционеров имели место в одних и тех же регионах – в Поволжье, на Урале, в Сибири¹⁹.

После свержения советской власти в Поволжье чешские формирования оставались единственным гарантом непрочной власти нового правительства. Этот факт признавали и сами министры самарского правительства. По воспоминаниям П. Д. Климушкина, члены Комуча «ехали в Городскую думу для открытия Комитета под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехословаков»²⁰.

Кроме военного взаимодействия на фронте, чехословаки монополизировали функции поддержания городского правопорядка и контрразведки. Эсеры не имели реального опыта создания крупных воинских соединений, по выражению генерала К. Гоппера, «они оставались таким же младенцем в военных делах, как и в 1917-м»²¹. Единственный военный опыт, по мнению К. Гоппера, к которому они могли обратиться, это опыт Чехословацкого корпуса. П. Д. Климушкин признавал следующее: «Чешская армия с её демократическим укладом управления, с братскими отношениями между солдатами и офицерами являлась для нас тем идеалом, к которому мы стремились при создании нашей армии. Мы не знали всех деталей организации чехословацкой армии, но мы видели её стойкость, её демократичность и в то же время её дисциплинированность, её подвижность и восторгались ею. Под этим впечатлением... мы и приступили к созданию русской Народной армии»²².

Создание Народной армии предусматривало создание единой системы командования всех антибольшевистских сил, в которую входили части Народной армии, Чехословацкого корпуса, оренбургские казаки. 17 июля 1918 г. приказом № 114 Комуч назначил командира Первой Чехословацкой Гуситской стрелковой дивизии полковника С. Чечека «командующим всеми войсками Народной армии и мобилизованными частями Оренбургского и Уральского казачьих войск»²³. При нем же был создан Оперативный штаб (Штаб Командующего Волжским фронтом).

Формирование единой системы командования подтолкнуло Народную армию и чехословацких легионеров к началу активных боевых действий. Вопрос о степени участия чехословаков в боевых действиях в ходе Гражданской войны в Поволжье остается дискуссионным. Представитель Народной армии С. А. Щепихин полагал, что чехи ограничились первоначальными операциями по захвату сызранского моста через Волгу и закреплению антибольшевистских войск на участке Самара – Симбирск. После они были отведены в

резерв и не участвовали в боевых действиях²⁴. Несколько иная оценка даётся действиям чехословаков С. Н. Николаевым: «Численно достигая на фронте Учредительного собрания в 7–8 тыс., чехословаки вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы наравне с Добровольческой частью Народной армии на самых ответственных направлениях и фронтах»²⁵.

Свержение советской власти в Поволжье, произошедшее в русле движения чехословацких легионеров в направлении к Владивостоку, нашло логическое продолжение в военном взаимодействии с Народной армией Комуча. Проведение, по сути дела, локальных операций по овладению теми или иными населенными пунктами проходило в надежде на продолжение процесса эвакуации в случае военных успехов легионеров. Однако после захвата Казани в начале августа 1918 г. череда военных успехов сменилась поражениями.

Ряд поражений на фронте, усиливших нежелание чехословаков сражаться, по сути дела, обнажили противоречия не только военного, но и экономического характера. Мятеж Чехословацкого корпуса, разделивший части корпуса на четыре неравноценные группы, привел к разрыву экономических связей внутри корпуса и обязал чехословаков к самостоятельному поиску продовольствия, фуража и боеприпасов. Это обстоятельство создало условия для развития мародерства и спекуляции, неправомερных реквизиций чехословаками продуктов питания и иного имущества простого народа.

Все хозяйственные сношения с Комучем осуществлялись от имени ЧНС, главное представительство которого находилось в Екатеринбурге. Так, 7 сентября 1918 г. управляющий финансовым отделом Ф. Шип отправил управляющему отделом иностранных дел Комуча ходатайство, в котором «имел честь ходатайствовать о выдаче ему на нужды Чехословацкой армии ссуды в количестве 45 000 000 рублей для скорейшего боевого снаряжения и организации настоящей действующей армии»²⁶. Документы, хранящиеся в Государственном архиве Самарской области, подтверждают, что чехословацкое командование регулярно запрашивало необходимые им объемы фуража и другого необходимого товара²⁷. Однако очень часто возникали конфликты по вопросам передачи имущества. В частности, так возник конфликт по поводу передачи чехам поезда, стоящего на станции Безыменка, который был улажен исключительно при помощи Совета управляющих ведомствами Комуча²⁸.

Приведённые факты позволяют сделать вывод о том, что Чехословацкий корпус способствовал консолидации антибольшевистских сил, действовавших в Поволжье. Именно благодаря выступлению Чехословацкого корпуса против советской власти власть в Самаре берёт в свои руки Комуч. Дальнейшие события показали, что и у Комуча, и у чехословаков была одна цель – борьба

с большевиками, что и сделало их временными союзниками, однако и представители Комуча, и чехословаки прекрасно понимали, что их союз является именно временным образованием, поэтому уже в октябре 1918 г. отказались от своих обязательств, провозгласив принцип: «Наша политика – рельсы». Факты взаимодействия с Комучем наглядно показывают, что все контакты носили больше вынужденный характер, так как чешское командование хоть и имело свою точку зрения на проведение операций, но не имело желания ее отстаивать, действуя «с оглядкой» на союзное командование. Экономическое и культурное взаимодействие Комуча носило срочный и минимальный характер в силу быстроменяющейся военной обстановки. Во многом на позицию чехословаков повлияли не столько неудачи на фронте, сколько отсутствие заинтересованности в русских делах.

Взаимодействие легионеров и Комуча имело несколько аспектов, среди них можно выделить военный (подразумевающий совместные боевые действия в рамках единой системы командования), экономический (направленный на обеспечение материальной части и снабжения чехословацких частей в Поволжье) и культурный (связанный с проведением культурных мероприятий и открытием Самарского университета).

Чехословацкие части внесли значительный вклад в расширение Гражданской войны на территории Поволжья. Они во многом способствовали укреплению власти Комуча на начальном этапе его деятельности, вместе с частями Народной армии активно участвовали в ряде военных операций. Уход чехов с фронта нанес ощутимый удар по военным возможностям Комуча и стал одной из главных причин его падения. Таким образом, можно сказать, что Чехословацкий корпус в Поволжье сыграл роль основного катализатора и одновременно ингибитора Гражданской войны в среднем Поволжье.

Примечания

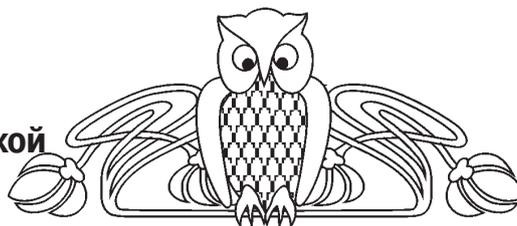
- ¹ См.: *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965; *Салдугеев Д. В.* Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1. История. 2005. № 2; *Софинов П.* Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. 1940. № 12; *Юрченко В.* Мятеж, которого не было // Родина. 1994. № 1; *Хрулёв В. В.* Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940; *Прайсман Л. Г.* Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории: ежемес. журн. 2012. № 5. С. 75–101; № 6. С. 54–74 и др.
- ² Подробнее об истории создания Чехословацкого корпуса см.: *Татаров Б. А.* Чешская (Киевская) Дружина август 1914– декабрь 1915. М., 2009; *Клеванский А. Х.* Указ. соч.
- ³ *Клеванский А. Х.* Указ. соч. С. 147.
- ⁴ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917– октябрь 1918 г.). Док. и материалы. Владивосток, 1997. С. 196.

- ⁵ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 15.
- ⁶ Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж; Прага, 1928. Клеванский А. Х. Указ. соч. С. 153.
- ⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 15,
- ⁸ Государственный архив Пензенской области Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 34. Л. 482.
- ⁹ Голечек В. Чехословацкое войско в России. Иркутск, 1919. С. 47.
- ¹⁰ Там же. С. 49.
- ¹¹ Соловейчик А. С. Борьба за возрождение России на востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году). Б. м., 1919. С. 11.
- ¹² Щепихин С. А. Под стягом учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 году. Прага, 1930. С. 177.
- ¹³ Чечек С. От Пензы до Урала // Воля России. Ежемесячный журнал политики и культуры. Прага, 1928. № 8–9. С. 257.
- ¹⁴ В настоящий момент доказано, что причины мятежа не были окрашены в политические тона. См.: Жилкин В. А. «Эшелонная война» в Саратовском Заволжье весной 1918 г. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 5. Саратов, 2003.
- ¹⁵ Щепихин С. А. Указ соч. С. 179.
- ¹⁶ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 574.
- ¹⁷ Петров П. П. Роковые годы 1914–1920. Калифорния, 1965. С. 100.
- ¹⁸ Локкарт Б. История изнутри : Мемуары британского агента. М., 1991. С. 265.
- ¹⁹ Недобайло Б. Н. Чехословацкий корпус в России 1914–1920 : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 120.
- ²⁰ Отчет о митинге // Вестник Комуча. Самара. 1918. 6 сент.
- ²¹ Гонпер К. И. Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, 1920. С. 77.
- ²² Климушкин П. Д. Борьба за демократию на Волге и 1918 г. Прага, 1930. С. 73.
- ²³ Центральный государственный архив Самарской области (Далее – ЦГАСО). Ф. Р-402 Оп. 1 Д. 3. Л. 25.
- ²⁴ Щепихин С. А. Указ. соч. С. 194–195.
- ²⁵ Николаев Семен Николаевич (20.04.1880, с. Начар-Убеево Буинского у. Симбирской губ. – 1976, Чехословакия). В 1918 заведовал чувашским подотделом губкомпроса, затем был секретарем Комуча, был арестован колчаковцами в Уфе. Член УС ДВР, судебный чиновник во Владивостоке. С 1922 жил в Чехословакии, заведовал Русской библиотекой в Праге. Автор мемуаров «Крушение Комуча». В 1945 депортирован в СССР. С 1946 находился в ГУЛАГе, сослан в Красноярский край, освобожден в 1957, вернулся в Чехословакию. Реабилитирован в 1992. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_n/nikolaev_sn.php (дата обращения: 19.01.2013). Николаев С. Н. Народная армия в Симбирске // Воля России. Прага, 1928. С. 116.
- ²⁶ Vojenskýústředníregiona. VÚA. Voj. Ústředníregiona. Prazekartonč, 14.
- ²⁷ ЦГАСО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 4. Л. 66.
- ²⁸ Там же. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

УДК 94 (470.44).084.3

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ ИНОСТРАННЫХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕРИОД ГОЛОДА В ПОВОЛЖЬЕ В 1921–1922 ГОДАХ (на примере Саратовской губернии и Области немцев Поволжья)

О. И. Помоголова

Саратовский государственный университет
E-mail: ksy2093@mail.ru

В статье исследуется голод, охвативший Поволжье в 1921–1922 гг. Рассматривается медицинская помощь иностранных благотворительных организаций Саратовской губернии и Области немцев Поволжья, ее масштабы, методы борьбы с заболеваниями и эпидемиями.

Ключевые слова: голод 1921–1922 г. в Поволжье, масштабы голода, медицинская помощь иностранных благотворительных организаций.

Medical Care Provided by International Charity Organizations During the Period of Famine in the Volga Region 1921–1922 (Based on the Example of Saratov Province and the Region of Volga Germans)

О. I. Pomogalova

The article is devoted to the research of epidemics, which were provoked by famine of 1921–1922 in the Volga region. The scale of epi-

demics is being ascertained, as well as helps of foreign organizations aimed at the reduction of disease extension.

Key words: famine in 1921–1922 the Volga region, the scale of famine, medicament assistance of foreign charity organizations.

В период тотального голода, свирепствовавшего в Поволжье и других регионах страны в 1921–1922 гг., российский народ пережил одну из самых тяжелых страниц в своей истории. Население бросало в панике родные места, в бегстве искало спасения от голодной смерти, часто лишь для того, чтобы погибнуть в пути от инфекционных заболеваний, спутников голода. Меры большевистской власти, во многом виновной в разразившейся гуманитарной катастрофе, оказались малоэффективны. Лишь международная помощь смогла хоть как-то смягчить ужасы российского голода. К сожалению, об этом сегодня практически ничего не известно.